

В. Н. Разгон

**АДАПТАЦИЯ «СТОЛЫПИНСКИХ» ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА АЛТАЕ
(ПО ДАННЫМ ВСЕРОССИЙСКОЙ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 г.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-125-136

УДК 94(571.15)“19”

ББК 63.3(253.3)533-210.6

Посредством анализа базы данных, сформированной на основе информации из подворных анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в статье раскрывается проблема использования переселенцами, прибывшими в период Столыпинских реформ в Алтайский округ из разных регионов европейской части страны, хозяйственного опыта, аккумулированного на прежнем месте жительства. Установлено, что предшествующий экономический опыт определял выбор переселенцами форм землепользования: общинной или подворно-наследственной. Наибольшие успехи в занятиях земледелием на Алтае демонстрировали переселенцы из Новороссии, имевшие опыт хозяйствования на более крупных участках земли. Наименьшие размеры посевов имели мигранты из промысловых губерний (Нечерноземье, Предуралье) и районов с животноводческой специализацией (Прибалтика). Выходцы из Новороссии — региона, лидировавшего в стране по ввозу сельхозорудий и машин, — превосходили мигрантов из других регионов по уровню оснащенности своих хозяйств усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем. Наибольшие показатели обеспеченности молочным скотом в расчете на одно хозяйство и уровня концентрации молочного скота в крупных хозяйствах были зафиксированы у переселенцев из прибалтийских и западных губерний — самых развитых районов товарного скотоводства в стране. Предшествующим хозяйственным опытом во многом определялись степень вовлеченности и содержание промысловых занятий переселенцев на Алтае.

Ключевые слова: *сельскохозяйственная перепись, база данных, экономический опыт, крестьянство, переселенцы, аграрные миграции, Столыпинские реформы, экономическое районирование, Алтайский округ, Сибирь*

Статус одного из ключевых вопросов в изучении переселенческого движения в современной историографии приобрела проблема адаптации переселенцев к новой природно-климатической и социокультурной среде обитания.¹ Важным аспектом данной проблемы является вопрос о том, каким образом в процессе адаптации переселенцами использовался хозяйственный и социальный опыт, приобретенный на прежнем месте жительства.

¹ См.: Шелегина О. Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII — начале XX в. (к постановке проблемы). Новосибирск, 2005; Чуркин М. К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006; Ноздрин Г. А. Сроки и механизмы адаптации переселенцев в Сибири в конце XIX — начале XX века // Адаптационные механизмы и процессы в традиционных и трансформирующихся обществах. Новосибирск, 2007. Вып. 2. С. 20–38; Разгон В. Н. Стратегия хозяйственной адаптации самовольных переселенцев в Алтайском округе в период Столыпинских реформ // Былые годы. 2018. № 50 (4). С. 1774–1783.

В советской историографии основной акцент делался на изучении воспроизводства крестьянами-мигрантами в местах водворения общественных отношений, в которые они были втянуты на родине: социального расслоения и капиталистической эксплуатации.² В ряде исследований были также поставлены вопросы о влиянии переселений на трудовые традиции крестьян, развитие кустарных промыслов в сибирской деревне.³ В современной литературе обращается внимание на воздействие миграций на инновационные процессы, происходившие в сельскохозяйственном производстве,

² См.: Сластухин Ф., Чешихин Г. Заселение и процесс капитализации сельского хозяйства Сибири до революции // Северная Азия. 1930. № 1/2. С. 56–75; № 3/4. С. 153–164; Соловьева Е. И. Характер переселенческих хозяйств Западной Сибири в период проведения Столыпинской реформы // Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. Новосибирск, 1964. С. 217–231.

³ См.: Горьковская З. П. Влияние переселения на трудовые традиции крестьянства Сибири в эпоху капитализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980. С. 110–125; Бочанова Г. А. Влияние переселений на традиции в обрабатывающей промышленности в Сибири // Трудовые традиции сибирского крестьянства (конец XVIII — начало XX вв.). Новосибирск, 1982. С. 73–88.

Разгон Виктор Николаевич — д.и.н., профессор кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
E-mail: vrazgon@rambler.ru

перестройку традиционной культуры производства и экономического строя крестьянского хозяйства Сибирского региона.⁴

В настоящей статье для конкретизации представлений об использовании мигрантами приобретенного на родине опыта организации экономической деятельности в новой среде обитания рассматриваются особенности хозяйственной адаптации переселенцев, прибывавших в период столыпинских реформ на Алтай из разных регионов Европейской России. Для исследования хозяйственной адаптации автор анализирует сведения, содержащиеся в базе данных крестьянских хозяйств Алтайского округа, сформированной на основе подворных анкет сельскохозяйственной переписи 1917 г.⁵ Алтайский округ, издавна привлекавший переселявшихся в Сибирь крестьян своими благоприятными для ведения сельского хозяйства природно-климатическими условиями, являлся одним из важнейших регионов водворения переселенцев, направлявшихся в азиатскую часть Российской империи в период Столыпинской аграрной реформы. С 1907 по 1914 гг. сюда переселились около 735 тыс. чел.,⁶ что составило примерно треть от общего миграционного потока.

В целом используемая база данных включает сведения об 11,6 тыс. крестьянских домохозяйств, в том числе 4 072 старожильческих и 7 564 переселенческих, отобранных на основе случайной 5 %-й выборки из общего числа хозяйств, подворные анкеты которых сохранились в фонде Алтайской земской управы Государственного архива Алтайского края⁷ (сохранившиеся анкеты охватывают более 2/3 от общего числа учтенных в результате переписи 1917 г. крестьянских хозяйств региона). Хозяйства переселенцев столыпинского периода составили около четверти от общего числа попавших в выборку крестьянских хозяйств (2,7 из 11,6 тыс.), что примерно соответствует удельному весу столыпинских мигрантов в об-

щей численности населения региона. Распределение учтенных в базе данных хозяйств столыпинских переселенцев по регионам выхода отражает долю каждого из них в миграционном потоке: 1 112 хозяйств (41,0 %) крестьян-мигрантов, прибывших из Центрально-Черноземного района, 494 (18,2 %) — из губерний Малороссии, 476 (17,5 %) — из Новороссии, 230 (8,5 %) — из Поволжья, 152 (5,6 %) — из Приуралья, 93 (3,4 %) — из западных губерний, 41 (1,5 %) — из центральных нечерноземных губерний, 12 хозяйств (0,5 %) — из Прибалтики.

Для определения специфики адаптации к условиям хозяйствования в новой природно-климатической и социальной среде обитания выходцев из различных регионов европейской части страны автором использовался историко-сравнительный метод. Для определения соотношения различных видов землепользования, структуры и уровня технической оснащенности хозяйственных занятий, характера имущественного расслоения переселенцев применялись методы компьютеризованного статистического анализа.

В Сибири институт частной крестьянской собственности на землю не был введен, поэтому переселенцы, водворявшиеся в Алтайском округе, получали в наделы земельные участки на правах общинного либо подворно-наследственного пользования. Как следует из табл. 1, общинное пользование землей наибольшее распространение получило среди мигрантов, прибывших на Алтай из традиционных районов распространения общинного крестьянского землевладения — губерний Центра страны (как черноземных — 74,6 % от всей наделной земли, так и нечерноземных — 83,6 %), Приуралья (77,7 %), Поволжья (64,2 %), а подворно-наследственное — среди мигрантов, переселившихся из регионов с преобладанием подворного владения землей: Украины, Белоруссии, Прибалтики. Выходцами из регионов с подворно-наследственным владением землей была представлена и немногочисленная часть переселенцев, которые на основании принятого правительством 10 марта 1911 г. положения «Об отводе переселенцам отрубных и хуторских участков в частную собственность» зафиксировали выделенные им участки в «единоличное владение».

Вместе с тем следует отметить, что мигранты, прибывшие из основных районов распространения общинного землевладения —

⁴ См.: Белянин Д. Н. Столыпинская аграрная реформа в Сибири // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2012. № 1 (17). С. 14–18; Никулин П. Ф. К вопросу о модернизационно-экономических факторах развития сельскохозяйственного производства в Сибири в начале XX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2015. № 1 (33). С. 10–14; Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе. Переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул, 2013.

⁵ См.: Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.: база данных. Барнаул, 2009. № госрегистрации 2009620044.

⁶ См.: Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Указ. соч. С. 72.

⁷ ГААК. Ф. 233. Алтайская губернская земская управа.

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ ФОРМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В 1917 Г.

Виды земле- пользования	Регионы								Столыпинские переселенцы в целом	Старожилы
	Центрально- Черноземный	Малороссия	Новороссия	Поволжье	Приуралье	Западный	Центральный нечерноземный	Прибалтика		
Общинное										
Дес., %	74,6	52,9	50,8	65,4	76,8	72,2	83,3	48,4	63,5	89,4
Хоз-в, %	77,2	59,8	59,9	71,1	82,7	77,6	77,8	57,1	69,6	91,8
Подворно-наследственное										
Дес., %	25,4	45,6	48,9	34,6	22,2	27,8	16,7	51,6	36,1	10,6
Хоз-в, %	22,8	38,8	39,6	28,9	17,3	22,4	22,2	42,9	30,0	8,2
В том числе:										
<i>Отрубное</i>										
Дес., %	77,7	93,2	91,7	95,2	62,7	87,9	19,7	79,9	87,3	82,1
Хоз-в, %	80,4	89,3	91,6	95,3	69,2	76,4	50,0	66,7	86,3	82,6
<i>Хуторское</i>										
Дес., %	1,5	1,3	0	0	10,3	1,2	0	20,1	1,0	2,3
Хоз-в, %	1,1	1,2	0	0	7,7	11,8	0	33,3	1,3	1,6
<i>Чересполосное</i>										
Дес., %	20,8	5,5	8,3	4,8	27,0	10,9	80,3	0	11,7	15,6
Хоз-в, %	18,5	9,5	8,4	4,7	23,1	11,8	50,0	0	12,4	15,8
Единоличное										
Дес., %	0,0	1,5	0,3	0,0	0	0	0	0	0,4	0
Хоз-в, %	0,0	1,4	0,5	0,0	0	0	0	0	0,4	0

центральных, поволжских и приуральских губерний, после переселения увеличили долю подворно-наследственного пользования землей: если на их родине накануне Столыпинской реформы она не превышала 3%,⁸ то в Сибири возросла до 17–25% (у переселенцев из центральных губерний), 22% (у выходцев из приуральских губерний) и 35% (у мигрантов из Поволжья) (см. табл. 1). Отчасти в этом нашел отражение опыт выхода из общины и укрепления земли в личную собственность (для последующей продажи), полученный крестьянами-мигрантами на прежнем месте жительства в процессе подготовки к переселению. Распространению подворного землепользования в переселенческих поселках Сибири способствовало применение установленного ГУЗиЗ принципа первоочередного землеустройства ходаческих партий, соглашавшихся на установление на выделяемом им

переселенческом участке порядка подворного землепользования, а также приоритетная выдача ссуд переселенческим обществам, принимавшим решение о внутринадельном размежевании.⁹ Имело значение и стремление части переселенцев получить свои наделы в подворно-наследственное пользование из опасения их сокращения при последующем притоке новых мигрантов. Для зажиточных крестьян предпочтительность подворно-наследственного пользования землей определялась их хозяйственными интересами, которые обеспечивались гарантией сохранения трудовых и финансовых затрат на повышение качества используемой земли и введение улучшенных способов ее обработки. О том, что стремление к подворному пользованию чаще проявлялось

⁸ См.: Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1973. С. 106.

⁹ См.: Минжуренко А. В. Внутринадельное размежевание в переселенческих поселках Западной Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в. — 1917 г.). Красноярск, 1982. С. 44, 45.

у представителей зажиточной части переселенцев, свидетельствует то обстоятельство, что средний земельный надел у переселенцев-общинников в Алтайском округе составил 27,3 дес. на одно хозяйство, а у мигрантов, закрепивших земли в подворно-наследственное пользование, 36,0 дес., то есть на 32 % больше.

Перенос на новое место жительства экономического опыта, связанного с выбором форм землепользования, проявился и в том, что вселение на отрубные и хуторские участки и разверстание наделных земель на хутора и отруба в рамках внутринаделного размежевания, проводившегося в Сибири в период реализации Столыпинской реформы, наиболее широкое распространение получили у переселенцев из губерний с подворным землевладением: доля отрубных и хуторских участков в земельных наделах, полученных в подворно-наследственное пользование выходцами из западных губерний, составляла 89,1 %, Украины — 94,5 %, Прибалтики — 100 %, тогда как у переселенцев из общинных губерний соответствующий показатель составлял лишь от 19,7 % (губернии Нечерноземья) до 79,2 % (Центрально-Черноземный район). И наоборот, чересполосное использование закрепленных в подворное распоряжение земельных наделов в наибольших размерах было зафиксировано у выходцев их районов с господствующим общинным землевладением.

Анализ данных табл. 1 также показал, что переселенцы из регионов с преобладающим подворно-наследственным землепользованием крестьян (Украина, Белоруссия, Прибалтика), вопреки прежнему опыту, в Сибири расширили практику общинного пользования землей: если в Украине и Белоруссии доля подворного пользования доходила до 3/4 от общего землепользования крестьян,¹⁰ а в Прибалтике общинного землевладения не было вообще, то в Сибири выходцы из этих регионов около половины предоставленных им в наделы земель использовали на общинном праве. Причислившиеся в старожильческие селения переселенцы подчинялись сложившимся в них общинным порядкам землепользования, а многих мигрантов, водворявшихся на переселенческих участках (в особенности из числа «позднеприбывших»), не удовлетворяло качество земельных угодий, отводимых им в наделное пользование, поэтому они надеялись

на их улучшение в случае нового передела. Неслучайно из обследованных в 1912 г. 447 переселенческих общин 208 (47 %) провели общине, а 40 (9 %) — частичные переделы земли.¹¹ Возможности укрепления переселенцами земельных наделов в индивидуальное (отрубное и хуторское) пользование на основе внутринаделного размежевания ограничивались нехваткой землемеров и недостатком кредитных денежных ресурсов, выделяемых государством на его проведение.¹² Община использовалась переселенцами и в качестве организационной формы объединения трудовых усилий и денежных ресурсов для строительства объектов социально-бытовой инфраструктуры в местах водворения.

Как следует из данных табл. 2, средний посев на одно хозяйство у столыпинских переселенцев (7,8 дес.) в 1,3 раза превосходил соответствующий показатель старожильческих хозяйств (5,9 дес.). Отчасти это объясняется отводом им земель, менее плодородных по сравнению с занятыми старожилами на правах первозаселенцев: почти треть мигрантов, прибывших на Алтай в период Столыпинских реформ, была расселена в Кулундинской степи, ранее считавшейся правительственными экспертами непригодной для ведения земледелия из-за засушливости климата. Вместе с тем это может рассматриваться и как одно из проявлений хозяйственной стратегии переселенцев, ориентированной на первоочередное вложение материальных средств и трудовых усилий в земледелие как отрасль, обеспечивавшую быстрый оборот капиталовложений. Расширение посевов во многом обеспечивалось за счет более интенсивной эксплуатации переселенцами отведенных им в наделы пахотных угодий: в 1917 г. ими засевалось 53,9 % всей имевшейся в их распоряжении пахотной земли, тогда как старожилами — только 45,2 %, а остальная часть оставлялась под залежь и пар. Максимальное вовлечение в хозяйственный оборот пахотных земель призвано было обеспечить переселенцам возможность зарабатывания в короткий срок средств, необходимых для обеспечения семьи и дальнейшего хозяйственного и бытового обустройства.¹³

¹¹ См.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 235.

¹² См.: Белянин Д. Н. Итоги внутринаделного размежевания в Западной Сибири в начале XX в. // Известия АлтГУ. 2010. № 4-1 (68). С. 41, 42.

¹³ Подробнее об этом см.: Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Указ. соч. С. 242–246.

¹⁰ См.: Дубровский С. М. Указ. соч. С. 106.

Таблица 2

РАЗМЕР ПОСЕВОВ СТОЛЫПИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ — ВЫХОДЦЕВ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ
Европейской России в Алтайском округе в 1917 г.

Показатели	Регионы выхода								Столывинские переселенцы в целом	Старожилы
	Центрально-Черноземный	Малороссия	Новороссия	Поволжье	Приуралье	Западный	Центральный нечерноземный	Прибалтика		
Посев, в среднем на 1 хоз-во, дес.	6,7	8,0	13,2	7,9	5,4	6,6	5,3	2,6	7,8	5,9
Хоз-в без посева, %	10,1	9,7	6,5	17,0	19,7	12,8	19,5	41,7	11,7	12,4
Хоз-в с посевом:										
до 4 дес.	32,6	24,7	17,4	22,2	55,3	29,8	34,2	30,8	31,0	36,7
от 4 до 12 дес.	40,9	44,7	33,8	40,9	24,3	40,4	39,0	15,4	37,3	38,3
от 12 до 25 дес.	14,1	17,2	28,2	16,1	2,0	12,8	4,9	7,7	15,4	10,9
более 25 дес.	2,3	3,9	14,1	4,4	0	2,1	2,4	0	4,6	1,7
Доля посева в пахотных землях, %	47,0	50,3	67,3	53,1	57,1	42,5	52,9	69,0	53,9	45,2
Доля залежи и пара, %	53,0	49,7	32,7	46,9	42,9	57,5	47,1	31,0	46,1	54,8

Как показывает анализ результатов переписи, размер посевов и уровень технической оснащенности сельскохозяйственных занятий крестьян-мигрантов, водворявшихся на землях Алтайского округа, во многом определялись предшествующим переселению хозяйственным опытом. Так, наибольший размер посевов при проведении переписи был зафиксирован у переселенцев из губерний Новороссии, имевших на прежнем месте жительства опыт хозяйствования на сравнительно более крупных, чем у крестьян из других регионов выхода, земельных участках:¹⁴ в среднем они засевали на Алтае по 13,3 дес. на одно хозяйство (а переселившиеся из Таврической, Херсонской губерний и Кубанской области даже больше: соответственно 16,3 дес., 17,6 дес. и 19,9 дес.), что в 1,7 раза выше среднего показателя для столыпинских переселенцев (7,8 дес.) (см. табл. 2). Самым большим у мигрантов данной региональной группы был и показатель доли засеваемой земли в пахотных угодьях: 67,3 % против 53,9 % в среднем по всем хозяйствам столыпинских переселенцев. Среди переселенцев из Новороссии была самой низкой, в сравнении

с другими региональными группами мигрантов, доля беспосевных хозяйств — 6,5 % и, наоборот, самой высокой — доля хозяйств высших посевных групп: дворы с посевами от 12 до 25 дес. составляли 28,2 % от общего числа, более 25 дес. — 14,1 %, при средних значениях этих показателей в целом по столыпинским переселенцам в 15,4 % и 4,6 %.

Особенно значительными размерами посевов отличались хозяйства переселившихся из Новороссии на Алтай немецких колонистов: средний размер занятых под посевами земельных участков в хозяйствах мигрантов этой национальной группы (18,7 дес.) был в 2,4 раза больше среднего для столыпинских переселенцев показателя и в 1,4 раза выше аналогичного показателя по региональной группе. Зафиксированный в табл. 2 высокий размер посева у переселенцев с Поволжья (9,5 дес. на 1 хозяйство) также во многом определяется повышенными показателями переселившихся из этого региона немецких колонистов (16,1 дес. на 1 хозяйство).

Наименьшая площадь засеваемой земли в расчете на одно хозяйство была зафиксирована у переселенцев из губерний Прибалтики, Нечерноземья и Приуралья: соответственно 2,6, 5,3 и 5,4 дес., что в 3 и 1,5 раза меньше среднего показателя. У переселенцев из этих регионов была самой высокой доля хозяйств без

¹⁴ Так, в Херсонской и Таврической губерниях в пользовании у крестьян находилось в 2 раза больше пахотной земли (в расчете на душу мужского пола с учетом арендованных земель), чем в губерниях Малороссии и Черноземного центра страны (Дорофеев М. В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск, 2009. Прил. 8).

Таблица 3

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ХОЗЯЙСТВАХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГРУПП
СЕЛЬХОЗИНВЕНТАРЯ И МАШИН В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В 1917 Г.

Показатели	Регионы								Столыпинские переселенцы в целом	Старожилы
	Центрально- Черноземный	Малороссии	Новороссии	Поволжье	Приуралье	Западный	Центральный нечерноземный	Прибалтика		
Хоз-в с усовершенствованным инвентарем и сельхоз машинами, % от общего числа	27,4	34,8	54,8	31,3	11,8	32,9	19,5	7,7	32,7	37,0
Усовершенствованных орудий и сельхозмашин на 1 хоз-во	0,60	0,66	1,44	0,78	0,22	0,68	0,54	0,08	0,75	0,88
Усовершенствованных орудий и сельхозмашин на 10 дес. посева	0,91	0,82	1,09	0,98	0,40	1,05	1,01	0,33	0,96	1,49
Хоз-в с пропашным инвентарем, в % от общего числа	60,3	66,2	72,5	56,5	36,2	60,6	31,7	53,8	60,6	61,4
Пахотных орудий на 1 хоз-во	0,69	0,78	1,17	0,73	0,38	0,72	0,37	0,54	0,77	0,68
Пахотных орудий на 1 работника	0,89	0,97	1,35	1,03	0,64	0,92	0,52	1,0	0,99	0,95
Пахотных орудий на 10 дес. посева	1,04	0,98	0,89	0,92	0,70	1,10	0,69	2,27	0,98	1,15
Хоз-в с сохами, %	1,44	0,20	0,21	0,43	4,61	0	0	0	0,96	9,1
Сох на 10 дес. посева	0,02	0,003	0,002	0,005	0,09	0	0	0	0,01	0,16
Хоз-в, использовавших многолемешные плуги, %	6,3	5,9	12,0	10,4	0,7	2,1	0	0	6,8	3,8
Многолемешных плугов на 10 дес. посева	0,09	0,08	0,10	0,14	0,02	0,03	0	0	0,09	0,07
Хоз-в, использовавших буккеры с сеялками, %	1,9	3,6	25,8	3,9	0	3,2	2,4	0	6,5	0,7
Буккеров с сеялками на 10 дес. посева	0,03	0,05	0,21	0,05	0	0,05	0,05	0	0,09	0,001
Хоз-в с сеялками, %	0,45	1,01	5,25	1,30	0	0	2,44	0	1,5	0,37
Сеялок на 10 дес. посева	0,01	0,01	0,04	0,02	0	0	0,05	0	0,02	0,007
Хоз-в с жатками, %	16,5	27,9	44,1	20,9	4,6	19,1	9,8	0	22,8	22,4
Жаток на 10 дес. посева	0,24	0,32	0,34	0,29	0,09	0,28	0,18	0	0,29	0,40
Хоз-в с молотилками, %	6,3	3,8	7,1	5,2	2,0	10,6	7,3	0	5,7	7,0
Молотилок на 10 дес. посева	0,09	0,04	0,05	0,06	0,03	0,14	0,14	0	0,07	0,11
Хоз-в с веялками, %	14,9	15,4	31,7	17,0	7,2	22,3	14,6	0	17,8	23,0
Веялок на 10 дес. посева	0,22	0,18	0,25	0,22	0,13	0,32	0,28	0	0,23	0,38

посевов и малопосевных (с размером посева до 4 дес.): соответственно 72,5 %, 53,7 % и 75 % (при среднем значении для хозяйств столыпинских мигрантов в 42,7 %) (см. табл. 2). Если слабая вовлеченность в земледелие выходцев из Прибал-

тики объясняется их обусловленной прежним хозяйственным опытом специализацией на занятиях животноводством (обеспеченность хозяйств этой группы переселенцев крупным рогатым скотом в 1,5 раза превосходила средний

Таблица 4

СКОТОВОДСТВО В ХОЗЯЙСТВАХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В 1917 Г.

Показатели	Регионы выхода								Столыпинские переселенцы в целом	Старожилы
	Центрально- Черноземный	Малороссия	Новороссия	Поволжье	Приуралье	Западные	Центральный нечерноземный	Прибалтика		
Хоз-в с КРС, % от общего числа	88,0	87,2	90,1	86,5	80,3	91,4	87,8	83,3	87,5	92,4
Голов КРС на 1 хоз-во	3,8	3,8	4,7	4,2	3,0	4,4	3,8	6,1	4,0	6,1
Хоз-в с коровами, % от общего числа	85,7	83,6	89,3	84,8	79,6	91,4	87,8	83,3	85,2	90,6
Коров на 1 хоз-во	2,0	1,8	2,3	2,1	1,6	2,5	2,1	3,0	2,0	3,1
Группировка хоз-в по количеству коров:										
Бескоровные, % от общего числа хоз-в	14,3	16,4	10,7	15,2	20,4	9,6	12,2	23,1	14,8	9,4
Хоз-ва с 1 коровой:										
% от общ. числа хоз-в	36,2	32,0	28,8	31,8	42,1	24,5	34,1	30,7	33,2	23,5
в них содержится коров, %	18,4	18,0	12,6	15,4	26,9	9,8	16,1	11,1	16,7	7,5
Хоз-в с 2-3 коровами:										
% от общ. числа хоз-в	34,9	40,1	42,4	40,0	26,3	40,4	39,0	23,1	37,4	35,1
в них содержится коров, %	41,9	52,1	43,3	47,6	39,1	37,2	41,4	22,2	44,1	27,0
Хоз-в с 4-5 коровами:										
% от общ. числа хоз-в	9,8	9,1	11,8	9,1	9,2	19,1	4,9	7,7	10,0	16,6
в них содержится коров, %	21,5	21,6	22,1	19,8	25,2	31,2	10,3	13,9	21,7	23,2
Хоз-в с 6 и более коровами:										
% от общ. числа хоз-в	4,8	2,4	6,3	3,9	2,0	6,4	9,8	15,4	4,6	15,5
в них содержится коров, %	18,7	8,3	22,0	17,2	8,8	21,8	32,2	52,8	17,5	42,3

показатель для столыпинских переселенцев) (табл. 4), то у переселенцев из нечерноземных и приуральских губерний — сложившейся еще на родине практикой заработка за счет занятия кустарными промыслами.

Как показывает анализ полученных при проведении переписи сведений, характеризующих техническую оснащенность земледельческого производства в Алтайском округе, переселенцы столыпинского периода, находившиеся в большинстве своем на начальной стадии вживания в новую среду обитания, в целом уступали старожилам по оснащенности своих хозяйств усовершенствованными орудиями и сельхозмашинами: в расчете на одно хозяйство в 1,2, на 10 дес. посева — в 1,6 раза (табл. 3). Вместе с тем крестьяне-мигранты, сталкивавшиеся с проблемой освоения целинных и залежных земель, превосходили ста-

рожилов по количеству орудий для вспашки земли на одно хозяйство и одного работника, занятого в посевных работах (табл. 3). И хотя формально хозяйства мигрантов имели более низкий, чем старожильские, средний показатель фондовооруженности этого вида земледельческих работ, выражающийся в количестве пропашных орудий на единицу посева (0,97 против 1,15 на 10 дес. посева), в использовании переселенцами столыпинского периода пропашном инвентаре практически отсутствовали наиболее примитивные орудия вспашки — сохи: если у старожилов их доля составляла 13,7%, то у переселенцев — только 1,2% от общего числа имевшихся у них орудий для вспашки почвы. Сколько-нибудь заметную роль сохи играли в обработке полей лишь у переселенцев — выходцев из регионов, в которых они имели более широкое распростране-

ние¹⁵ — приуральских и центрально-черноземных губерний (табл. 3).

Необходимость подъема большого массива целинных земель обусловила концентрацию в хозяйствах переселенцев столыпинского периода до 50 % всех учтенных в Алтайском округе в ходе переписи наиболее производительных орудий для вспашки земли — буккеров с сеялками (при том что удельный вес хозяйств столыпинских мигрантов среди общего числа домохозяйств, учтенных в базе данных, не превышал 25 %). Доля дворов, имевших данный вид орудий для вспашки земли, у столыпинских мигрантов составляла 6,5 % (а среди хозяйств с пропашным инвентарем — 10,8 %), а у старожилов — 0,7 (1,2) %. При проведении земельных работ переселенцы более широко, чем старожилов, использовали и такой вид усовершенствованных орудий для вспашки почвы как многолемешные плуги (см. табл. 3).

Наибольший уровень оснащенности земельных хозяйств усовершенствованным пропашным инвентарем демонстрировали выходцы из Новороссии, превосходившие другие региональные группы переселенцев по размерам посевных площадей: 25 % их хозяйств обрабатывали землю с помощью буккеров, а 12 % хозяйств использовали многолемешные плуги (при соответствующих средних показателях по столыпинским переселенцам в 6,5 % и 6,8 %), поскольку практика использования усовершенствованного пропашного инвентаря и сеялок у мигрантов из Новороссийского района сложилась еще на родине. По данным переписи 1910 г., губернии Новороссии являлись наиболее обеспеченными железными орудиями для вспашки почвы с явным преобладанием железных плугов над сохами; в Екатеринославской и Херсонской губерниях, Донской и Кубанской областях была сконцентрирована почти половина всех сеялок, использовавшихся в сельском хозяйстве страны.¹⁶ Согласно статистике железнодорожных перевозок сельскохозяйственных машин и орудий за 1900–1913 гг., введенной в научный оборот М. А. Давыдовым, Новороссийский район лидировал в масштабах страны по поставкам сельхозмашин и орудий: в разные годы на него приходилось в весовом выражении от 18,4 до 28,3 % от

общего объема машин и орудий, полученных всеми регионами страны.¹⁷

Как следует из данных табл. 3, выходцы из еще одного региона со значительным распространением усовершенствованных орудий для обработки почвы¹⁸ — Поволжья — для распашки полей в Алтайском округе больше использовали многолемешных плугов, чем буккеров: по количеству буккеров на 10 дес. посева они в 4,2 раза уступали переселенцам из Новороссии, но по применению многолемешных плугов в 1,4 раза превосходили их.

Выходцы из новороссийских губерний, составлявшие самую экономически развитую региональную группу переселенцев из водворившихся на Алтае в столыпинский период, превосходили мигрантов из других регионов и по показателям, характеризующим использование усовершенствованного инвентаря, применявшегося при уборке урожая (лишь по количеству молотилок и веялок на единицу посева они несколько уступали выходцам из нечерноземных и западных губерний, у которых средний размер посева был соответственно в 2 и 2,5 раза меньше). Данная региональная группа переселенцев превосходила старожилов по показателям, характеризующим уровень оснащенности пахотных и посевных работ усовершенствованным инвентарем, но имела более низкие показатели фондовооруженности работ, проводившихся на заключительной стадии земледельческого цикла — уборке урожая (количество жаток, молотилок, веялок на 10 дес. посева). Это свидетельствует о том, что даже переселенцам из региона с самым высоким в стране уровнем применения усовершенствованных сельхозорудий и машин не удалось к 1917 г. достичь равного со старожилами Алтая уровня технической оснащенности всех стадий земледельческих работ.

Зафиксированные при проведении переписи средние показатели обеспеченности столыпинских переселенцев молочным скотом и в целом КРС оказались в 1,5 раза ниже, чем у старожилов (табл. 4). Для сибирских старожилов скотоводство традиционно являлось приоритетным занятием в силу его более высокой прибыльности по сравнению с земледелием, развитие которого в течение длительного времени сдерживалось действием Челябинского тарифного перелома (1896–1913), увеличившего стоимость

¹⁵ См.: Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 527–529.

¹⁶ См.: Он же. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте — Столыпина. СПб., 2016. С. 512, 513.

¹⁷ См.: Там же. С. 516.

¹⁸ См.: Давыдов М. А. Всероссийский рынок... С. 528.

вывоза хлеба из Сибири. Доходность занятий животноводством для старожилов обеспечивалась сосредоточением в их пользовании наиболее богатых сенокосных и пастбищных угодий, а в начале XX в. после ввода в действие Транссибирской магистрали молочное животноводство в регионе получило новый импульс к развитию, вызванный повышением спроса на сибирское масло на мировых рынках.

Самые высокие показатели, характеризующие включение переселенцев в наиболее товарную и развитую в Сибирском регионе отрасль животноводства — скотоводство, были зафиксированы при проведении переписи у переселенцев из Прибалтики, западных губерний и Новороссии. У выходцев из западных губерний оказалась наименьшей доля хозяйств без крупного рогатого скота, коров и с одной коровой, а у переселенцев из Прибалтики — одного из самых развитых районов товарного скотоводства в стране¹⁹ — самые высокие из всех региональных групп мигрантов показатели обеспеченности крупным рогатым скотом и коровами в расчете на одно хозяйство. Выше среднего значения данные показатели были и в хозяйствах переселенцев из Новороссии, что определялось отмечавшимся ранее более высоким уровнем их общей зажиточности.

Самым высоким уровнем концентрации производства молока в крупных скотоводческих хозяйствах выделялись переселенцы из Прибалтики: в хозяйствах с числом коров 6 и более было сосредоточено до половины (52,8 %) имевшегося у них поголовья молочного скота, что было почти в три раза выше соответствующего среднего показателя для столыпинских переселенцев (17,5 %). В хозяйствах с 4 и более коровами у мигрантов, прибывших из новороссийских губерний, содержалось 44,1 % всего молочного стада, из западных губерний — 53 %, из прибалтийских — 66,7 %, при среднем показателе по хозяйствам столыпинских переселенцев в 39,2 % (табл. 4).

Связь районов выхода и вселения выражалась в использовании принесенных переселенцами производственного опыта и трудовых традиций не только в земледелии и скотоводстве, но и в промыслах. В ходе проведения переписи наибольший уровень вовлеченности в промысловые занятия был зафиксирован у переселенцев из приуральских и нечернозем-

ных центральных губерний, в которых кустарные промыслы традиционно имели широкое распространение. Выше среднего уровня показатель занятости в промыслах оказался и у выходцев из поволжской деревни, а ниже — у мигрантов из менее промысловых западных губерний, Украины и Прибалтики (табл. 5).

В переселенческом потоке, направлявшемся в Алтайский округ из центральных нечерноземных губерний, были представлены в основном промысловики-специалисты по обработке животного сырья (кожевники, сапожники, овчинники, шерстобиты, пимокаты, шубники, шорники); а среди переселенцев из лесистых западных и приуральских губерний — специалисты по обработке древесного сырья (плотники, столяры, бондари, колесники, смолокуры и др.). Аналогичную связь между распространением в Сибири разных видов промыслов и региональной принадлежностью переселенцев отмечали и исследователи развития промыслов в Сибири во второй половине XIX в.²⁰

Среди промысловиков — выходцев из центрально-черноземных губерний, Украины и Новороссии — основных земледельческих регионов Европейской России — до трети от общего числа занятых в обрабатывающих промыслах составляли работники профессий, связанных с обслуживанием сельскохозяйственного производства (кузнец) и переработкой сельхозпродукции (маслодел, мельник, сыровар, хлебопек). В составе переселенцев из этих регионов наиболее высокой была доля промысловиков, имевших заработок за счет найма на сельскохозяйственные работы в хозяйствах старожилов и более обеспеченных мигрантов. Среди занимавшихся промыслом переселенцев из нечерноземных центральных губерний — традиционного центра текстильного производства — были распространены профессии, связанные с изготовлением одежды (портной, швея).

Как следует из данных табл. 5, практически все региональные группы переселенцев демонстрировали гораздо более низкий, чем старожилы, уровень вовлеченности в традиционные для Сибирского региона добывающие промыслы (охоту, пчеловодство, рыболовство, сбор дикоросов), что отражает незавершенность процесса адаптации их к новой природно-географической среде обитания.

¹⁹ См.: Островский А. В. Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2014. С. 179–181.

²⁰ См.: Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 84.

Таблица 5

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОМЫСЛОВЫХ ЗАНЯТИЙ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СТРАНЫ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ

Показатели	Регионы								Стольпинские переселенцы в целом	Старожилы
	Центрально-Черноземный	Малороссия	Новороссия	Поволжье	Приуралье	Западный	Центральный нечерноземный	Прибалтика		
Доля хозяйств с промыслами, %	19,2	16,4	17,9	22,2	29,6	16,0	29,3	8,3	19,4	14,5
Доля промысловиков среди трудоспособного населения обоих полов, %	6,1	6,1	6,1	8,1	11,2	5,4	11,5	4,2	6,6	4,9
Доля занятых в с.-х. найме (от общего числа лиц с промысловыми занятиями), %	37,8	51,5	42,5	21,7	23,7	44,4	6,3	0	36,1	14,5
Доля занятых в обрабатывающих промыслах и торговле, %	40,8	32,7	40,6	55,1	57,6	27,8	68,8	100,0	44,1	31,4
Распределение занятых в различных видах обрабатывающих промыслов, %:										
деревообработка	29,6	27,6	30,6	41,7	53,1	60,0	18,2	0	33,5	41,6
обработка животного сырья	24,5	20,7	22,2	13,9	21,9	20,0	45,4	0	22,5	14,9
обслуживание земледелия и переработка с.-х. продукции	31,6	34,5	38,9	16,7	9,4	0	9,1	100	27,8	30,2
швейное дело	9,2	13,8	5,6	16,6	6,3	0	27,3	0	11,3	8,4
другие	5,1	3,4	2,7	11,1	9,3	20,0	0	0	4,9	4,9
Доля промысловиков, занятых в добывающих промыслах, %	1,1	0	0	1,5	0	0	0	0	0,6	21,3

Таким образом, рассмотрение хозяйственной деятельности переселенцев из различных регионов Европейской России, водворившихся на Алтае в период Стольпинских реформ, показывает, что ее содержание и масштабы во многом определялись предшествующим переселению хозяйственным опытом. Им определялся, в частности, выбор форм землепользования: закрепление выделяемых на Алтае земель в общинное пользование наибольшее распространение получило среди крестьян-мигрантов, прибывших из традиционных районов общинного крестьянского землевладения, а в подворное — из районов с преобладающим подворно-наследственным землевладением.

Самые высокие показатели среднего размера посева и концентрации производства зерновых в крупных хозяйствах при проведении сельскохозяйственной переписи были зафиксированы у выходцев из губерний Новороссии (в особенности у немецких колонистов),

имевших на прежнем месте жительства опыт организации земледелия на более крупных, чем в других земледельческих центрах европейской части страны, земельных участках, а наименьший размер посевов — у переселенцев из промысловых губерний Нечерноземья и Приуралья и специализирующихся на занятиях животноводством мигрантов из прибалтийских губерний. Переселенцы из Новороссии — края, лидировавшего среди регионов страны по ввозу сельскохозяйственного инвентаря и машин, — демонстрировали и на Алтае самый высокий уровень технической оснащенности своих земледельческих хозяйств из всех региональных групп мигрантов.

У переселенцев из прибалтийских и западных губерний — наиболее развитых районов товарного скотоводства в стране — при проведении переписи были зафиксированы наибольшие из всех региональных групп мигрантов показатели вовлеченности в самую товарную в Сибири отрасль животноводства — молочное

скотоводство — и наивысшая концентрация молочного скота в крупных хозяйствах.

Предшествующим хозяйственным опытом во многом определялись масштабы и содержание промысловых занятий переселенцев в Алтайском округе: крестьяне-мигранты, прибывавшие из регионов с широким развитием

кустарных промыслов, имели более высокие показатели, характеризующие включенность в промысловые занятия на новых местах жительства, распространенность тех или иных видов кустарных промыслов обуславливалась промысловой специализацией районов выхода переселенцев.

Viktor N. Razgon

Doctor of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul)

E-mail: vrazgon@rambler.ru

ADAPTATION OF THE STOLYPIN REFORMS SETTLERS IN THE ALTAI OKRUG
(ON THE MATERIALS OF THE 1917 ALL-RUSSIAN AGRICULTURAL CENSUS)

Based on the analysis of the database compiled of information extracted from the household questionnaires of the 1917 All-Russian agricultural census, the article addresses the problem of the use of economic experience accumulated in the former places of residence by migrants who arrived in the Altai okrug during the implementation of the Stolypin reforms from different regions of the European part of the country. It is established that previous economic experience determined the choice of land use forms by immigrants (communal or farmstead-hereditary). The greatest success in farming in the Altai region was demonstrated by migrants from Novorossiya, who had experience in cultivating relatively larger plots of land than in other areas of European Russia, and migrants from regions with the spread of crafts (non-chernozem provinces, the Urals) and areas with livestock specialization (the Baltic region) had crops of the smallest size. Migrants from Novorossiya — the region that was the country's leader in the import of agricultural equipment and machinery — surpassed migrants from other regions in the use of improved agricultural equipment. The highest indicators in numbers of cows per farm and the level of concentration of dairy cattle in large farms were recorded during the census among migrants from the Baltic and Western provinces — the most developed areas of commercial cattle breeding in the country. The previous economic experience largely determined the degree of involvement of migrants in handicrafts in the Altai okrug and their specialization as well.

Keywords: *agricultural census, database, economic experience, peasantry, settlers, agrarian migrations, Stolypin reforms, economic zoning, Altai region, Siberia*

REFERENCES

- Belyanin D. N. [Results of plots delimitation inside a community in Western Siberia in the beginning of XXth century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2010, no. 4-1 (68), pp. 38–47. (in Russ.).
- Belyanin D. N. [Stolypin's reform in Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2012, no. 1 (17), pp. 14–18. (in Russ.).
- Bochanova G. A. [The impact of migrations on traditions in the manufacturing industry in Siberia]. *Trudovye traditsii sibirskogo krest'yanstva (konets XVIII — nachalo XX vv.)* [Labor traditions of the Siberian peasantry (late 18th — early 20th centuries)]. Novosibirsk: NGPI Publ., 1982, pp. 73–88. (in Russ.).
- Churkin M. K. *Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.: determiniruyushchiye faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [Migrations of peasants from the chernozem center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th centuries: determinants of migration mobility and adaptation]. Omsk: OmGPU Publ., 2006. (in Russ.).
- Davydov M. A. *Dvadsat' let do Velikoy voyny. Rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stolypina* [Twenty years before the Great War. The Russian modernization of Witte-Stolypin]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2016. (in Russ.).
- Davydov M. A. *Vserossiyskiy rynek v kontse XIX — nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika* [All-Russian market in the late 19th — early 20th centuries and railway statistics]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2010. (in Russ.).
- Dorofeev M. V. *Krest'yanskoye zemlepol'zovaniye v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka* [Peasant land use in Western Siberia in the second half of the 19th century]. Tomsk: TGU Publ., 2009. (in Russ.).

Dubrovsky S. M. *Sel'skoye khozyaystvo i krest'yanstvo Rossii v period imperializma* [Agriculture and peasantry of Russia in the period of imperialism]. Moscow: Nauka Publ., 1973. (in Russ.).

Gorkovskaya Z. P. [The influence of resettlement on the labor traditions of the Siberian peasantry during the period of capitalism]. *Krest'yanstvo Sibiri perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma* [The peasantry of Siberia during the period of the decline of feudalism and the development of capitalism]. Novosibirsk: NGPI Publ., 1980, pp. 110–125. (in Russ.).

Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1983. (in Russ.).

Minzhurenko A. V. [Land demarcation in the resettlement settlements of Western Siberia during the Stolypin agrarian reform]. *Agrarnyye otnosheniya i zemel'naya politika tsarizma v Sibiri (konets XIX v. — 1917 g.)* [Agrarian relations and the land policy of Tsarism in Siberia (the end of the 19th century — 1917)]. Krasnoyarsk: KGPI Publ., 1982, pp. 40–54. (in Russ.).

Nikulin P. F. [On the factors of economic modernization in the development of agricultural production in Siberia in the early 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2015, no. 1 (33), pp. 10–14. (in Russ.).

Nozdrin G. A. [Terms and mechanisms of adaptation of migrants in Siberia in the late 19th — early 20th centuries]. *Adaptatsionnyye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i transformiruyushchikhsya obshchestvakh* [Adaptation mechanisms and practices in traditional and transforming societies]. Novosibirsk: Sibirskoye nauchnoye izdatel'stvo Publ., 2007, iss. 2, pp. 20–38. (in Russ.).

Ostrovsky A. V. *Zhivotnovodstvo Evropeyskoy Rossii v kontse XIX — nachale XX v.* [Animal husbandry of European Russia in the late 19th — early 20th century]. Saint Petersburg: Poltorak Publ., 2014. (in Russ.).

Razgon V. N. [Strategy of economic adaptation of unauthorized migrants in the Altai region during the period of Stolypin reforms]. *Bylye gody* [Bylye Gody — Russian Historical Journal], 2018, no. 50 (4), pp. 1774–1783. DOI: 10.13187/bg.2018.4.1774 (in Russ.).

Razgon V. N., Khramkov A. A., Pozharskaya K. A. *Stolypinskiye migranty v Altayskom okruge. Pereseleniye, zemleobespecheniye, khozyaystvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya* [Stolypin migrants in the Altai district. Resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: Azbuka Publ., 2013. (in Russ.).

Shelegina O. N. *Adaptatsionnyye protsessy v kul'ture zhizneobespecheniya russkogo naseleniya Sibiri v XVIII — nachale XX v. (k postanovke problemy)* [Adaptation processes in the culture of life support of Siberia's Russian population in the 18th — early 20th century (on the problem definition)]. Novosibirsk: "Sibirskaya nauchnaya kniga" Publ., 2005. (in Russ.).

Slastukhin F., Cheshikhin G. [Settlement and the process of capitalization of agriculture in Siberia before the Revolution]. *Severnaya Aziya* [North Asia], 1930, no. 1/2, pp. 56–75; no. 3/4, pp. 153–164. (in Russ.).

Solovieva E. I. [The nature of resettlement farms in Western Siberia during the Stolypin reform]. *Predposylki Oktyabr'skoy revolyutsii v Sibiri* [Preconditions of the October Revolution in Siberia]. Novosibirsk: B. i., 1964, pp. 217–231. (in Russ.).

Solovieva E. I. *Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformennyi period* [Crafts of the Siberian peasantry in the post-reform period]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1981. (in Russ.).

Для цитирования: Разгон В. Н. Адаптация «столыпинских» переселенцев на Алтае (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 125–136. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-125-136.

For citation: Razgon V. N. Adaptation of the Stolypin reforms settlers in the Altai okrug (on the materials of the 1917 All-Russian agricultural census) // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 125–136. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-125-136.